

16+

Лина Серебрякова

**Чувствительные
истории**

Лина Серебрякова

Чувствительные истории

«Автор»

2020

Серебрякова Л.

Чувствительные истории / Л. Серебрякова — «Автор», 2020

Женщине нужна любовь, океан любви, отовсюду, ежеминутно. Тогда она цветет, тогда у нее все ладится. Любви, любви!

© Серебрякова Л., 2020

© Автор, 2020

Лина Серебрякова Чувствительные истории

К тебе, мой милый...

В весенний мартовский день Сергей Плетнев был приглашен в одну из московских школ как главный архитектор проекта, всего два года назад построивший новый Зеленый округ, где находилась эта школа. Работать Сергей любил, возглавлял концерн «Возрождения» и строил по всей стране, поэтому дата встречи переносилась и откладывалась.

Наконец, машина его остановилась у школьных ворот.

Для начала его пригласили в просторный директорский кабинет, окна которого выходили прямо в густой лес, а на стенах красовались живописные работы школьников. Вместе с директрисой, седой пышноволоосой дамой здесь находилась хорошенькая девушка с длинными каштановыми косами.

– Знакомьтесь, Сергей Иванович, – представила ее директор. – Это Марианна, наша отличница, «комсомолка, спортсменка» и лучшая художница школы. Да-да, в самом деле, – она улыбнулась его улыбке. – Она будет вести ваш вечер. Ее акварели висят здесь же, можете полюбоваться.

С вежливым выражением молодой человек повернул голову, но тут же встал и пошел вдоль стены, всматриваясь в работы. У Марианны екнуло сердечко.

– Это ваше? И та? И рядом? Очень смело. Просто супер! Не ожидал, – проговорил он и слегка развел руками. – Они дышат. Вы способны к волевым решениям, это редкость. Я восхищен. Поступайте в архитектурную академию.

Марианна польщено улыбнулась. Ее часто хвалили, это не могло не радовать, вот и сейчас словно легкий цветочек распустился в сердце. Но ответила она независимо и почти дерзко, глядя в его простое лицо со светлым вихром волос надо лбом, про который говорят «корова языком лизнула».

– В Архитектурную? Никогда. Архитекторам нравится камень, а он тверд и неуступчив. Мне по душе легкое-взлетающее, изменчивое, как ... солнечный свет, – она со смехом показала руками нечто воздушное.

В его глазах вспыхнули огоньки. Было видно, что в душе он воскликнул: «Какая девушка!» и не стал скрывать это.

– За такой ответ вас можно полюбить, Марианна! Игра цвета и линии, вечный плен художника! «Ленты–кружево–батисты», яркое народное творчество, откровения современного дизайнера? Как это по-женски! Как тонко вы чувствуете!

Директриса поднялась. Они прошли в гудящий голосами актовый зал. Пылая румянцем, Марианна открыла вечер, представила Сергея Плетнева и села в первый ряд.

Он говорил часа полтора, пролетевших, будто одно мгновение. Его рассказ о сплошном лесном массиве, в котором все начиналось, захватил всех словно приключение. Приправленный ужасиками, строительными хохмами и сожалениями о несбывшихся мечтах вроде велотрека, бассейна и маленького зоопарка, он по-новому осветил ребятам их малую родину.

Марианна не сводила с него глаз.

Как он сказал? «За такой ответ вас можно полюбить»? О, счастье! Как согревают эти слова! Еще ни один взрослый мужчина не поддержал ее так душевно, так бережно! В одно мгновение жизнь словно распахнула лучезарные дали. Это любовь? Её сияние?

О, как можно жить! ...

После его выступления она вновь поднялась на сцену и провела «пресс-конференцию», сидя с гостем за одним столом. В их школе часто происходили встречи и беседы на разные темы, когда каждый участник отстаивал свою правоту во что бы то ни стало, с умом и такой страстью, чуть не до драки, поэтому народец в зале сидел тертый, подкованный на все темы. Сергей шутил, зубы его сверкали, голос искрился, Марианна добавляла огоньку от себя, и ей показалась, что они немножко сблизились, что что-то будет, что-то необыкновенное.

В заключение она поднесла ему большой, заготовленный заранее букет цветов.

С этими цветами, окруженный школьниками, он стал спускаться по широкой лестнице к выходу. Понравился Сергей Плетнев, разумеется, не только ей, многие девчонки нашли его красивым, спортивным, остроумным и... неженатым? Кольца на руке не было.

– А ваша жена тоже архитектор? – не утерпела Ленка, известная всем болтушка и хохотушка.

– Моя жена? – переспросил он и так белозубо рассмеялся, что все поняли: «Он свободен!».

Возле машины он передарил букет Марианне.

– Вы чудесная девушка, Марианна. Давно у меня не было такого вечера. Желаю вам успехов на выпускных экзаменах. И на вступительных тоже.

Что было отвечать? «К черту, к черту?» Так он и уехал. Красавица Марианна помечтала о нем, как о принце, улетела в грезах, да и все. Школьница, выпускница... разве он вспомнит? Но заметила, что если обычная похвала делала настроение на неделю, то слова Сергея Плетнева ошастливили ее на целый месяц!

В белоснежной трехэтажной школе гремела музыка.

Выпускной бал давно начался и был в самом разгаре. За окнами актового зала в мелькании цветные вспышки, кружились танцующие, озаряемые то синим, то красным, то зеленым светом. На школьное крыльцо перед входом то и дело выходили юноши, закуривали и сбегали по ступенькам, направляясь в крытую шатровую беседку метрах в десяти от выхода.

Там теснилась тусовка.

Ребята сидели на поручнях, давно лишившихся деревянных перил, что-то выпивали, смеялись, в последний раз прочитывая надписи на покатоном железном потолке: «Сашка, я по тебе с ума схожу!», «Долой диктатуру родителей!», «I love you! I kiss you! I have you!», «Марианна, тебя любит... угадай, кто?», «Это мой телефон. Бабы, звоните ночью. Ваш Дима.», «Я хочу жить на воле, а не в набитом людьми доме!», «Мы, девчонки, хотим всего!», «Я правый, кто со мной? Ромик.», «Демократов на мыло!», «Спартак-чемпион!» и другие, более озорные и хулиганские.

На каменном полу посередине горел костерок из веточек и бумажек, жиденький дымок достигал потолка, красиво обволакивал его и кудряво струился из-под кромки шатра. Покурив, молодые люди бросали окурки в огонь, бежали обратно к крыльцу, украшенному цветной мозаикой и выпуклыми медальонами классиков, и вновь исчезали там, где было тесно и весело, пахло апельсинами и где сегодня были так красивы их одноклассницы.

Школа стояла как раз на границе с лесом.

Сразу за ее стенами начинался диковатый парк, незаметно переходящий в настоящую лесную чащу с болотами, кочками, высокими соснами, поросшими сероватым мхом, с просеками, полными малины. Километрах в трех от жилого района зеленый массив пересекала кольцевая автодорога, через которую часто перебегали, появляясь под окнами, лоси и зайцы.

То-то бывало переполоху на уроках!

А однажды в ближайшем дворе заметили даже двух заблудившихся молодых волков: тесно прижавшись друг к другу, они дыбили загрызки, готовые до конца защищать свою жизнь в каменных сводах чужой норы. Вызванные охотники усыпили их специальными патронами,

после чего все желающие могли погладить густой, с белыми выпушками, мех зверей, их теплые уши и лапы, потрогать настоящие волчьи клыки и даже срезать пучок серой шерсти на память.

Сокровищем района был, конечно же, этот лес.

Даже зимой в нем никто не скучал!

Под деревьями бежала школьная лыжня, размеченная флажками и плакатами «Старт» и «Финиш» для уроков физкультуры и соревнований. Множество ближних и дальних дорожек и тропинок на все случаи жизни скрещивались, сливались, выводили к избушкам, детским деревянным площадкам, горкам-ледянкам и лыжным аховым спускам, повсюду гуляло и дышало свежим воздухом окрестное население.

Ну, а про лето и говорить нечего. Летом все здесь благоухало листвой, травами, цветами, наполнилось птичьим гомоном и тою радостью, что всегда мерцает под зелеными кронами.

Что тут прибавишь?

Все жители новостройки почитали себя избранными. И даже удаленность от метро лишь прибавляла убежденности. Жильцы семи высоких домов знали друг друга по именам, будто в деревне, копали огороды, жгли костры, купались в двух проточных прудах, в общем, жили как на даче со всеми городскими удобствами.

Сегодня, двадцатого июля, школа праздновала первый выпуск.

Двадцать три человека начинали новую жизнь. Как бывает, в последнем классе сложились две пары молодоженов, чьи горячечные романы весь год зажигали ровесников. Все остальные были просто влюблены или мечтали о любви.

Праздник был в разгаре.

Уже поднялись из-за столов, уставленных поначалу бутербродами, сладостями, фруктами, цветными бутылками с газированными напитками и соками, а теперь опустевших и быстро убираемых проворными руками матерей из родительского комитета, и уже успели потанцевать и продолжали танцевать парами и толпой в цветном мелькании огней.

На полу два-три умельца, поражая воображение, вертелись клубком, выкручивая спортивно-танцевальные приколы на спине и на голове под уханье «тяжелого металла».

Но и танцами, наконец, пресытились, потянулись к учителям, «преподам», так сказать – «старшим товарищам», простив им все вредности и придирки. В начале вечера их задарили цветами, а теперь, окружив, снисходительно рассматривали, как самых обыкновенных и ничуть не страшных людей.

– А помните, как я котенка принесла на урок?

Это, смеясь, спросила Марианна, одна из самых нарядных в этом зале

Все они окружали учительницу младших классов, просто одетую приуставшую маленькую женщину. Ее имя, Клавдия Ивановна, ученики произносили как Клав-Диванна, но любили с первого класса, в той, другой, московской школе, откуда почти все они, да вместе с нею, переехали два года назад.

– Я-то помню, Марианна, – мягко ответила учительница, – а вот помнишь ли ты, как второго сентября спросила у мамы: «А что, каждый день надо ходить?» Мы так смеялись тогда с Татьяной Алексеевной.

Девушка кокетливо изумилась

– В самом деле? Как это на меня похоже! Терпеть не могу обязательных дел.

– Лукавишь, Марианна. Ты, конечно, художественная натура, но раз отличница-медальстка, значит, вполне «от мира сего». А скажи-поделись, куда собираешься поступать? Если не секрет? В Академию живописи или в Строгановку?

– Вовсе нет, я иду в Академию текстиля. Хочу работать с современными тканями, одеждой, прикладной художественностью. У меня все получится, все-все!

– Умница. Ты всегда была практичной мечтательницей, как ни удивительно такое сочетание, – согласилась учительница, любуясь девушкой.

Марианна и в самом деле была хороша в воздушном розовом платье с пышными сборками на талии, с красными пионами в пушистых косах. Все девушки были красивы в этот вечер в бальных нарядах, но косы сохранились лишь у одной Марианны.

– А про меня что-нибудь вспомните, – попросил кто-то из выпускников.

И все зашумели разом.

– И про меня, и про меня.

Учительница улыбнулась.

– Ох, как давно это было, еще в той школе! Вот про Оленьку могу сказать, что она, еще совсем маленькая кроха, приходила в класс самая первая и чисто-начисто вытирала тряпочкой свой стол. Тихая, серьезная была девчушка, трудолюбивая, как пчелка.

– Она и сейчас такая.

Все оглянулись на светловолосую девушку с веснушками. Та отступила на шаг назад.

– А как я в шкаф забрался и завыл среди урока, помните? – пробасил высокий юноша, местный комп-фанат и сердцеед.

– Вот тебе за это, Сашок.

Учительница дотянулась до его головы и легонько дернула за вихор.

Марианна тоже выбралась из тесноты. Неподалеку сгрудилась другая компания вокруг учительницы по литературе, там было заметно шумнее и веселее. Двигая плечами, она протиснулась между двух молодых людей. Те расступились.

– О, Марианна, легка на помине, – засмеялись в кругу, – только что о тебе вспоминали. Как ты догадалась?

– Не скажу! – загадочно пропела девушка. – Вспоминайте меня почаще, особенно в июле во время экзаменов. Разрешаю ругать всякими словами, не стесняйтесь.

Любовь Андреевна пояснила.

– Мы рассуждали о мечтах, которые сбываются, –. – Помнишь свое сочинение: «Я мечтаю о необыкновенном человеке и необыкновенной любви. Я верю в судьбу и ее драгоценные дары. Я верю тебе, жизнь!»

– Это не сочинение, а целое заявление, – заметил кто-то.

– Я даже выписала кое-что на бумажку, – продолжала классная руководительница, – и зачитываю новым старшеклассникам. Звучит, как напутствие. Помнишь, Марианна?

– Прекрасно помню, до последнего слова, – воскликнула девушка. – Вот увидите, все так и будет Я все смогу...

Ее остерегли.

– Не сглазь. Разве можно об этом вслух?

– Можно! Смелость города берет, – отмахнулась Марианна.

Но тут же отошла прочь.

«И зачем я так раскрываюсь? Робкие пингвины, разве они поймут, как можно летать?» – подумала она с досадой.

Скользя по паркету, как по блестящему льду, перебежала через весь зал к сцене, возле которой возились со стереосистемой умные мальчики. Здесь же находился и Пал Палыч, маленький плешивенький учитель математики, окруженный одними юношами. Остатки его волос стояли на темени, словно прозрачный нимб. По обыкновению, Пал Палыч был слегка пьян. Даже на уроки он приходил, бывало, сильно «датым», но это ничему не мешало.

Его занятия были самыми живыми в школе, его олимпиады, загадки-считалки для младших ребят, сказки про пузатые лимоны-миллионы, стихи, приключения в мире чисел – недаром половина выпускников собиралась поступать в технические вузы!

Сейчас Пал Палыч был нежен и добр.

– Вы, ребята, главное, не отчаивайтесь, если не получается с математикой. Не зачеркивайте себя. Бог с ними, с уравнениями, не в них счастье. Слышишь, Дима?

Качнувшись, он оперся рукой на плечо рослого, остриженного по-солдатски парня с могучей тренированной фигурой.

– А я при чем? Полный улет! – отозвался тот. – Мне вообще все до фени. У меня послезавтра призыв в армию, в Чечню на полтора года. Приходите на провода, Пал Палыч.

– Да-да, – отвечая на собственные мысли, покивал учитель. – Главное в жизни – это сама жизнь, ее вершение, осуществление, а не формулы и числа. Никому не верьте, что это иначе. Жизнь древнее любой науки, нельзя жертвовать жизнью ни для чего... ни для чего.

– А в чем смысл жизни, Пал Палыч? – шутиливо спросил кто-то, прикрывая усмешкой юношескую страстность этих слов.

– Ах... – вздохнул учитель. – Странно сказать – ни в чем. Ни в чем, друзья мои. Да-да. Жизнь вмещает в себя все смыслы, она неизмеримо сложнее и огромнее любого из них. Разве вот математика... – старик поморгал и безнадежно помотал головой. – Нет, и математика тоже меньше. Живите, милые, вдумывайтесь, понимайте, осознавайте. Да-да.

Он шатнулся и пошел к выходу, касаясь пальцами стульев, поставленных вдоль стен.

– Поговорили, – ухмыльнулся Дима. – Душевный старик. Ромик, проводи его.

– До дома?

– В натуре. Слабб, что ли?

Зазвучала музыка. Он повернулся к Марианне.

– Потанцуем?

– Давай, – она вскинула руки на его борцовские плечи.

Зал вновь заполнился танцующими. Как и раньше, танцевали и в кружок, и разрозненной толпой, чтобы никому не было обидно. Те же, кто желал побыть вдвоем в полусумраке цветных вспышек, в первую очередь, молодожены, не отказывали себе в удовольствии прижаться друг к другу у всех на виду.

Две пары на один класс – вот что значит близость к природе!

Многое, многое мог бы прошуметь на ушко темный лес.

Марианна и Дима танцевали свободно, не слишком близко.

– Когда ты уходишь? – спросила Марианна, поглядывая на него снизу вверх. – Действительно, послезавтра?

– Завтра. Сейчас полночь.

– Почему так срочно?

– Я и так просрочил, они заждались там, в военкомате. Майор все терпение потерял, каждый час звонит... Приходи на провода.

– Приду. В Чечню, поди, сам напросился?

– Угадала.

– К «своим» поедешь.

– Не без того.

Дима был родом из Грозного, с тихой окраины.

Совсем недавно у них был беленький домик с садом. В нем цвели пурпурные розы, поспевала майская клубника и черешня. А какие яблоки, вишни, абрикосы! Как все мальчишки, он всегда был здоров, черен от загара и вместе с Русланом, соседским пацаном, гонял по улицам затертый футбольный мяч. Их отцы работали на нефтеперерабатывающем заводе.

Потом полетели снаряды. Все озлобились.

Семья продала дом за бесценок и приехала в Москву к старой бабушке-тетке. Пока отец не устроился на автобазу, Дима работал, где придется, потом снова взялся за учебники. Друг детства Руслан остался в Грозном. Связь между ними не прервалась, время от времени от него звонили Диме, просили переслать лекарства. Антисептику, антибиотики, ранозаживляющие бальзамы. Для матери, как считалось, для родственников.

Их доставала мама Марианны Татьяна Алексеевна, врач-хирург, поэтому отношения между Димой и Марианной были легки и доверительны.

Правда, легко было одной Марианне. Дима же по своей простоте не мог вынести такой короткости с красивой девушкой. Она волновала его. Мужественный парень, каратист, он нравился подругам постарше, но сам дорожил только Марианной. Ему казалось, что она тоже отличает его. Как все влюбленные, он искал и находил знаки любви там, где их не было и в помине.

Сейчас, полуобнимая Марианну в танце, он спросил почти утвердительно.

– Ты будешь ждать меня?

– Я? – удивленно распахнула глаза Марианна.

Он смутился.

– Ну, хоть писать-то будешь?

– Отвечать буду, – согласилась она.

Музыка смолкла.

Марианна шутливо присела в церемонном книксене и убежала. О его чувствах она знала давно, как знает каждый, кого любят.

Но мало ли кому она нравилась!

И в школе, и в изостудии, и в бассейне, даже в городском транспорте – везде находились ухажеры и воздыхатели, несносные, докучные. Порой и ей кто-то западал в сердце, не без того. Но лишь на неделю-другую, не дольше.

Лишь встреча с Сергеем Плетнёвым словно затаилась в уголке, так, сама по себе.

Но уже вернулось звонкое счастье свободы. Марианна ждала Его, мужчину-героя, которому можно довериться безоглядно и с которым ей предстоит самое сияющее, самое необыкновенное счастье на всю жизнь.

Ах, Сергей...

Она первая смеялась, трезвая мечтательница, своим нежным снам наяву, потому что жизнь вокруг показывала совсем другие примеры. Но... душа летала и не хотела садиться на голую ветку без пышных цветов, ей грезилось будущее блаженство, удивительная, прекрасная, полная любви жизнь.

А что вы хотите в семнадцать лет?

И все же о Сергее Плетневе думалось часто и казалось-казалось, что их настоящая встреча еще впереди. Как может быть иначе? У нее, красавицы, умницы! Марианна не страдала скромностью относительно своих достоинств, и нельзя сказать, что ошибалась.

Шел первый час ночи.

Пышное платье помялось, в косах обвисли пышные пионы, да и настроение слегка снизилось. Поэтому Марианна решила сбегать домой переодеться в другой наряд, она уже готовила его для второй части бала, все равно одноклассники уже нагляделись на нее в новом платье. Дом ее был в двух шагах от школы.

Выскользнув из зала, она сбежала по лестнице, вышла на широкое школьное крыльцо в благоуханные объятия теплой летней ночи.

За окном цветет виноград,

А мне всего семнадцать лет,

– пропела по-французски свою любимую песенку из французского средневековья.

– Ах, хорошо!

– Марианна!

Дима курил в темноте возле отцветших кустов сирени. Бросив сигарету, он пошел рядом.

– Все про виноград свой поешь?

– А ты откуда знаешь?

– Ее вся школа знает, перевели давно, не задавайся. Ты далеко?

– Домой. На полчаса.

– Послушай, не убегай. Я долго думал, вот, стоял, курил.

– И напрасно. Курить вредно. Весь мир бросает, а он «стоял-курил». Полюбуйтесь на героя.

– Не смейся, Марианна. В общем, я не могу так уехать. Скажи прямо... – он запинался, чувствуя, что слова его не нужны ей. – Ты же знаешь, что я... как я к тебе отношусь. Для меня никого нет лучше тебя, никакой другой девчонки. Тебе никто и в подметки не годится. Марианна! Послушай! Не уходи так, не убегай!

Но Марианна лишь прибавила шагу.

Ах, как скучно слушать признания, на которые не можешь ответить! Хуже горькой редьки, хуже репейника на тонком чулке! И жалко Димку, свой, родной парень, и не на гулянку ведь идет, а в армию, но все равно противно... от прикосновений, попыток обнять, поцеловать.

Да что, в самом деле! Поцелуй какие-то!

Не он герой ее судьбы, ее прекрасного солнечного будущего! И почему он не понимает таких простых вещей?!

– Ты замечательный парень, Димочка, у тебя еще будет настоящая любовь. Ты этого достоин, я уверена. А мне надо идти, мама ждет, уже поздно, – она говорила все подряд, лишь бы охладить пыл этого мужлана, который, выпив, должно быть, с ребятами, становился груб и опасен в ночной темноте на безлюдной улице. – Все, будь здоров!

Она свернула во двор.

Но не тут-то было. Его железные борцовские руки сомкнулись вкруговую за ее спиной. У самого дома, у подъезда он прижал ее к стене и стал быстро водить рукой по ее телу, по запретным местам, путаясь в пышных складках тончайшего шелка.

Рот его искал ее губы.

– Марианна, Марианна! Не уходи, подожди... – Он дышал шумно и загнанно, как паровоз. – Ну, Марианна, стой, побудь со мной...

– Отстань! – вскрикнула она, с силой отпихивая его. – Убери руки. Еще не хватало...

Ее платье затрещало в его руках.

Он опомнился, и Марианна, пользуясь мгновением, вырвалась, вбежала в подъезд, в лифт, взлетела наверх на пятый этаж. Минута, и она отворила дверь своей квартиры.

Мама уже легла. Горела, как всегда, маленькая лампочка в коридоре, чтобы не страшно было входить в темную квартиру. Услыша ее, Татьяна Алексеевна поднялась и накинула халат. Спрыгнула со шкафа Туська, зеленоглазая красивая кошка.

– Что случилось, Масенька? За тобой гнались?

– Нет. Я бежала... переодеться.

– Не переодеться, а спать, уже поздно, скоро светать начнет.

– Спать в такую ночь? Ни за что! На рассвете придет автобус, поедем в центр, на Красную площадь.

– Ты одна пришла? Мне показалось...

– Меня Дима проводил, – засмеялась Марианна – От самой школы до самого подъезда.

– Понятно, – мать улыбнулась.

– Он в армию уходит, знаешь? В Чечню.

– Сочувствую его родителям.

– Он будет нам писать. А мы... мы должны отвечать. Да-с.

Марианна закрылась в ванной комнате, открыла душ, а мама заварила свежий чай, поставила чашки, разрешила торт, который припасла для дочки в честь ее праздника. Та вышла свежая, румяная, с влажными кудрями, увидела накрытый стол и захлопала в ладоши.

– Спасибо, мамуленька.

Они уселись полуночничать, пить чай и разговаривать.

В актовом зале по-прежнему гремела музыка.

Танцующих стало меньше, кто-то ушел домой, другие уселись стайками и принялись говорить, смеяться. Вспоминать разные приколы за все школьные года, сознавая, что это уже в последний раз, больше никогда не собратся им в родной школе, что уже завтра, уже сегодня начнется иная жизнь. Потом снова шли танцевать, возвращались к столам за остатками бутербродов, разливали потихоньку какой-то алкоголь, по капельке, чтобы хватило на всех, неумело пили. В туалетных комнатах плавал табачный дым.

Оля ждала Диму.

Она видела, как он вышел покурить и как почти следом скользнула Марианна.

Оля мучилась.

Все два года, с тех пор как Дима появился в классе, она замирала от волнения, если видела его хоть издали. Никто не знал об этом, кроме... конечно же, самого Димы.

Невозможно скрыть любовь, когда она есть, как невозможно явить в ее отсутствие.

Глаза Оли, голубые, ясные, выдавали ее с головой, Дима постоянно ловил на себе ее беглый застенчивый взгляд. Но ему, каратисту, первому парню на деревне, не было корысти связываться с этой невидной белобрысой девчонкой, веснушек которой никогда не касалась косметика. Ему нравились крупные развитые девки, развязные, как в рекламе.

А любил он одну Марианну, дерзкую и отважную, лучшую во всей школе, не то, что эта тихоня и скромница.

Оля мучилась.

Никому, даже Ленке-хохотушке, задушевной подружке, не могла она рассказать о своей тайне. Любовь болезненно заполняла все ее существо, жила вместе с нею давно и ровно, без сомнений надежд, казалось, с самого Олиного рождения. Оля покорила, не борясь. Или Дима, или никто.

И вот теперь он уходил в армию. А сейчас ушел с Марианной. Оля даже не ревновала, она мудро чувствовала, что они не пара, что пара для Димы – она, Оля, это же так очевидно...

А он не видел.

Дима вернулся хмурый. Сел в угол зала, уперся локтями в колени и стал глядеть в пол. Потом и вовсе обхватил руками стриженую голову. Оля все поняла, сердце ее сжалось.

– Объявляется белый танец! – прокричал Саша, подражая диск-жокею.

Ребята насторожились. Кого пригласят? Скрывая улыбками самолюбивое волнение, они застыли на своих местах. Оля почувствовала головокружение. Сейчас! Вот сейчас она сделает это. Другого случая уже не будет. Гулко билось сердце. Она поднялась.

К нему, к Диме! Ну же, смелей...

Тоненькая, в белом платье, она, замирая, пробежала по залу и встала перед Димой.

– Пойдем?

– Пошли, – согласился он снисходительно.

Они танцевали, как и все, нечто неопределенное, просто топтались под музыку, медленно продвигаясь по залу.

– Ну, что молчишь-то? – он смотрел сверху на прямой пробор в ее светлых подвитых волосах, чувствовал ладонью худенькую спину.

Она тоненько кашлянула, но промолчала. Он усмехнулся.

– Два года смотрела, глаз не сводила, а теперь молчишь? – он прижал ее к себе. – Уеду ведь. Можно сказать, уже завтра.

– Завтра? – прошептала Оля, вскидывая глаза.

– Завтра, завтра. На кого тогда станешь смотреть?

– Ни на кого, – тихо сказала она.

Дима даже приостановился.

– Пра-авда? – и отстранился, заглядывая ей в лицо. – Ты серьезно?

Она опустила голову.

– Нет, скажи честно! – ему не верилось, что этот неожиданный разговор происходит наяву. – Слово даешь?

– Даю.

Он присвистнул.

Оля молчала.

Она видела перед собой пуговицы его рубашки, такие милые, с двумя дырочками, непрочно пришитые двумя-тремя стежками. Дима! Если бы ты знал...

Он облизал пересохшие вдруг губы.

– Сейчас я выйду курить во двор, приходи и ты минут через десять. Я буду ждать. Погуляем, поговорим.

– Хорошо, – безропотно кивнула она.

Ночь была по-прежнему прекрасна. Месяц узким серпиком светился среди тонких облаков, чуть озаряя их шелковистым светом, волны теплого душистого воздуха обнимали и словно покачивали темные деревья, травы, цветы. В парке, куда они свернули, пели ночные птички голоса, пахло фиалкой и горьковатой древесной корой.

– Ты не боишься ехать в Чечню? – спросила Оля.

Он пожал плечами.

– Это моя родина, я там все знаю, я могу разговаривать с любым чеченцем. Между прочим, раньше в Грозном была очень хорошая жизнь. В горах – да, там люди суровые, а в городе любой продавец фруктов всегда сыпал сверх отвешенного еще и в подарок. А если у старушки не хватало денег, то наполнял ей бесплатно полную кошелку, сколько унесет. Сейчас, конечно, не то. Такую обиду не скоро простят.

Оля слушала не дыша. Впервые она шла рядом с Димой, разговаривала о серьезном. Вокруг стоял лес, пищали комары, тянуло лесной свежестью. Вдруг запел, защелкал соловей, второй, третий. Лес наполнился их любовным томлением.

Дима привлек ее к себе.

– Ты меня любишь? Да? Скажи. Да?

– Да.

Он прижал ее к себе и стал целовать. Потом поднял на руки и донес до скамейки, широкой, с изогнутой спинкой. Оля оказалась у него на коленях. Поцелуи возобновились, становясь смелее и горячее.

– Маленький мой, зайчик мой, – шептала в упоении девушка, наслаждаясь его лаской. – Солнышко мое, как долго я тебя ждала...

Она не заметила, как оказалась лежащей на скамейке. Его лицо склонилось над нею, а руки что-то готовили, в то время как жадные губы не отрывались от ее рта.

– Ой! – вскрикнула она. – Ой, не надо! Оставь, не надо!

– Надо... – сдавленно отвечал он, – уверяла же, что любишь. А вдруг я не вернусь? Потерпи немного...

В зале давно уже не танцевали.

Стулья были сдвинуты в один угол, на них сидели все ребята. Пели песни, вспоминали туристические походы, случаи, школьные вечера. Все казалось значительным и милым, ведь это происходило с ними, именно в их жизни, в той ее части, которая уходит сейчас безвозвратно. За окнами разгоралась румяная заря, от бессонной ночи чуть звенело в ушах. Самая сонная пора – «*сторожка спят*» – с двух до четырех часов миновала, спать уже не тянуло, да и

неугомонный Сашка, всю ночь бывший распорядителем бала, так и сыпал шутками, развлекаая всех сразу.

Марианна сидела с друзьями.

Она вернулась в брючках и широком шелковом блузоне-размахе на мелких пуговках с воздушными петлями: три пуговицы сразу, промежутки, и снова три и три. Это было ее собственноручное изделие, от задумки до исполнения, даже шелковый цветок из той же ткани на груди слева смастерила своими пальчиками. Волосы она заколола на затылке русым узлом, из середины которого был выпущен своенравный завиток.

К ее удивлению, Дима никак не приветствовал ее возвращение, он сидел на стуле и полуспал, положив руки и голову на спинку переднего стула.

– Так проходит любовь, – проговорила она значительно и по-своему щелкнула его по макушке.

Автобус подошел к пяти часам. Чистый, сверкающий стеклами, двойной, похожий на гусеницу, он остановился за школьными воротами и посигналил.

– Ура! – раздался общий крик.

Все вскочили и ринулись вниз по лестнице занимать места.

Марианне не хотелось, чтобы Дима с обычной назойливостью сел возле нее. Но он... он даже не пытался! Вместе с ребятами он устроился в самом конце салона, словно не замечая Марианну. А с нею села Любовь Андреевна, подкрашенная, причесанная, надушенная, словно и не бодрствовала с учениками всю ночь.

– Мальчики! – позвала она, – поднимите-ка сюда вон ту сумку, что осталась на ступеньках. Мне не в подъём.

– А что в ней такое?

– Догадайтесь.

– Еда?

– Возможно.

– У-у, мигом.

В большой сумке и впрямь оказались бутерброды, пирожные, апельсины, вода, стаканчики и салфетки, заботливо заготовленные классным руководителем с вечера, когда столы ломились от яств.

Шофер повернулся к ней.

– Все на месте, больше никто не подойдет?

– Все сели? – оглянулась Любовь Андреевна.

– Оли нет, – заметила Лена. – Она хотела ехать. Надо подождать.

– Ее давно нет, – вспомнили другие. – Семеро одного не ждут. Поехали, поехали! Вперед, навстречу солнцу!

С песнями автобус покатило мимо тихих домов.

Солнечный шар оказывался то впереди, то справа, огромный, взлетающий, наливающийся на глазах нестерпимым блеском. Навстречу двигались поливальные машины, пустынный город казался светлым и просторным. Автобус помчался по Ленинскому проспекту, среди новых высотных домов, стоящих широко на покато́й равнине, доступной всем ветрам; потом пошли массивные академические здания с колоннами и чугунными оградами, мелькнуло несколько старинных особняков, украшенных лепниной по фасаду, засверкали стеклом современные офисные постройки, втиснутые между обычными жилыми корпусами.

При выезде с улицы Полянка открылся прекрасный вид на Кремль, четкий широкий мост, Москву-реку и огромный златоглавый храм слева.

Все притихли. Было незабываемо красиво.

Наконец, приехали.

Автобус остановился на Манежной площади. Здесь уже толпились выпускники других школ, веселые, нарядные, с цветами и разноцветными воздушными шарами, продававшимися повсюду. Прибывших встречали аплодисментами и радостным гулом. Постояв у Вечного огня, пошли на Красную площадь. Длинной цепочкой, взявшись за руки, подымались по брусчатке навстречу главной башне Кремля.

Никто не хотел быть излишне чувствительным, но, что ни говори, любовь к родному городу живет в глубине души, особенно в такие минуты! «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля... кипучая, могучая, никем не победимая...» – нестройно потянули голоса и смолкли, не помня слов.

Часы на Спасской башне пробили шесть раз.

– Оо-уу-ээ! – зашумела молодежь. – Вставай, страна огромная!

Сразу несколько магнитофоном врубились наперебой, всех охватил счастливый порыв. Молодой народ принялся танцевать на гладкой брусчатке, ходить на руках, просто прыгать на месте. Образовали огромный хоровод, больше, больше, побежали по кругу, быстрее, быстрее. Расцепили руки, сделали арку, стали играть в «ручеек». Шум, гам, смех, хохот.

Конечно, полиция была готова к встрече с буйной сменой, но стояла поодаль, не вмешиваясь. Молодые должны отбеситься, это полезно для здоровья, как доказывают психологи.

Зато всю шустрили фотографии.

– Мгновенная фотография на память! Цветная открытка на всю жизнь!

– Марианна, ты не сердись на меня? – Дима казался смущенным, но совсем немного.

– Я? Ничуть. А надо? – Марианна сделала наивные глаза, не переставая подпрыгивать под музыку.

Он ударил кулаком о кулак.

– Вот за что я тебя уважаю. И откуда ты взялась такая на мою голову? Не уступаешь, не то, что некоторые.

– Какие такие некоторые? Почему не знаю?

Он обнял ее за плечи.

– Давай сфотографируемся на память.

– Хоть на всю жизнь

Они встали в очередь.

Сначала, по просьбе Димы, ее сняли одну на фоне Василия Блаженного, потом вдвоем, смеясь и подняв руки в приветствии. После этого Дима снялся один. Услуга стоила недешево, пришлось сложиться, чтобы оплатить несколько фотографий, зато качество оказалось превосходным. Марианна, румяная, хорошенькая как актриса, улыбалась нежно и задорно, глаза ее лучились, прядка волос лежала на лбу, отделенная от прически свежим утренним ветерком.

Зато Дима, несмотря на улыбку, получился унылым, словно бы виноватым, особенно глаза, в которых таилась настороженность.

– Похоже, Димочка, у тебя душа не на месте, – объявила ему Марианна. – Покайся, пока не поздно, в чем согрешил?

Он быстро взглянул на нее и отвел глаза. Она засмеялась.

– Ага, угадала! Что натворил на пороге новой жизни? Ну-ка, ну-ка признавайся, а то не будет удачи, – она шутила, не подозревая, как точно, слово за словом, попадает прямо в цель.

– Грехи наши тяжкие, – усмехнулся он.

– Во-от. Солдат – всегда солдат, – почему-то произнесла она, хлопнула в ладоши, подпрыгнула и убежала.

Он ошалело посмотрел вслед. Провел ладонью по стриженной голове, поморгал рыжими ресницами и закурил.

На обратном пути весь автобус заснул. Лишь классный наставник, бдительная Любовь Андреевна была, как обычно, на своем посту. «Какие вы все красивые, молодые, – любовалась

она. – Как вы открыты всему хорошему! Дай вам Бог, ребята, мирной жизни и добрых людей на пути».

Возле школы некоторых пришлось тормозить и расталкивать по-настоящему.

– Вставай, в школу пора! Уроки проспичь! Звонок давно было!

Опять стало весело.

– Прощай, школа! Прощайте, великие мыслители над входом! Здравствуй, новая жизнь!

Вечером у Димы собрались близкие друзья.

Квартира была тесная, однокомнатная, на первом этаже.

Старой хозяйки уже не было, о ней напоминала ее мебель, сделанная лет сорок-пятьдесят назад, крепкая, береженная, уже старинная, можно сказать, середины прошлого века, с точеными фигурными ножками, волнистыми кромками, шариками, деревянными листочками. За стеклами серванта красовалась редкостная посуда, на самих стеклах были нанесены морозные матовые узоры. Стулья тоже были под стать обстановке, с высокими резными гнутыми спинками, с плюшевыми сидениями, к сожалению, всего два стула.

Поэтому сейчас вокруг дубового раздвинутого стола гости сидели на табуретках, чемоданах, на досках, положенных на две опоры.

Как всегда на таких торжествах, было много вина, водки, пирогов, салатов-винегретов, холодца, жареных куриных ножек.

Шум, смех, табачный дым наполняли дом.

Мать с заплаканными глазами подавала угощение, меняла тарелки, собранные по соседям, отец разливал по рюмкам и стаканам.

Последний нонешний денечек

Гуляю с вами я друзья,

А завтра рано чуть светочек

Заплачет вся моя семья.

– запели ребята, положив руки друг другу на плечи, раскачиваясь за столом из стороны в сторону.

Из всего выпуска в армию уходил пока один Дима.

Остальные юноши надеялись поступить в институты, *оттянуть*, либо вовсе *откосить* от военной службы. Вечер перешел в ночь, но соседи по дому терпели пьяный гомон, крики, всплески беспорядочного веселья, орущий магнитофон. Ничего не поделаешь, проводы в армию. Надо.

– Марианна! – кричал Дима. – Жди меня! Обещаешь?

– Будь спокоен, Димочка, не сомневайся, – отвечала она под взглядом его матери.

Та грустно улыбалась.

Никто не знал, что через улицу, на балконе своего дома сидела и тихонько плакала в темноте Оля. Она до последней минуты ждала приглашения на проводы, вспоминала все, что случилось между ними, его ласки, свою нежность, и не верила, не верила, что все это ничего не значило. К вечеру забежала выспавшаяся Ленка, тряся кудрями, протараторила о поездке на Красную площадь и умчалась на проводы. Оля тоже ушла из дома, ходила-бродила по парку, присела на *ту* скамейку и все звала, звала в душе Диму.

Темнело. Было тепло и таинственно, как вчера, даже соловьиные трели были так же сладостны и томительны.

На обратном пути она прошла мимо его дома.

Окна были раскрыты, из квартиры доносился шум, музыка, на подоконнике сидела Марианна и любезничала с Димой. С тоненьким стоном Оля побежала прочь. Сейчас, в теплоте

ночи, среди цветов, благоухающих в длинных подставках, она давилась слезами, тихо, чтобы не услышали родители и младшие братья.

Но и тень обиды не омрачала сердце.

– Я все равно тебя люблю, Дима. – шептала она, словно он был рядом. – Я буду думать о тебе день и ночь, день и ночь, я не могу по-другому. Служи спокойно, я буду тебя ждать.

Что за город был до войны Грозный!

Мощный, крепкий, словно из единого куска скалы! Никуда бы не уезжать из него, жить с друзьями и соседями... И где все это? Где величественный, построенный на века главный проспект, где надежная гостиница из тяжелого тесаного камня, где театр, куда ходили всем классом на утренние спектакли? А шумные рестораны, а маленькие кафе, куда забегали в мае посидеть за бокалом молочного коктейля со свежей клубникой... а светлые прямые улицы, в пространствах которых приезжему человеку почему-то грезился выход к морю?

Почему это случилось? Руины, руины. Они уже не горели, не дымились, но потихоньку разбирались, жители ютились в подвалах, было холодно и бесприютно в родном городе.

Зато горела душа.

В первую же увольнительную Дима навестил Руслана.

В свой дом он не пошел, лишь постоял, закусив губу, перед забором. Одна плашка забора по-прежнему держалась на верхнем гвозде, это была детская тайна, лаз, чтобы убежать без разрешения. Возле крыльца стояла собачья конура, но без Пирата. В их белом одноэтажном доме жили другие люди, купившие его за тройку железнодорожных билетов, когда Соколовы спешно уезжали в Москву к спасительнице-старушке.

Дима толкнул соседнюю калитку.

Увидя солдата в форме, в доме закричала женщина. На крыльцо выскочил бородатый мужчина с автоматом в руках.

– Руслан, не стреляй, это я! – успел крикнуть Дима, падая на землю. – Салам алейкум!

– Димка! Алейкум салам!

Они обнялись.

Руслан был неузнаваем. За четыре года он стал настоящим мужчиной, воином, отцом двоих детей. В его жене Дима узнал одноклассницу Патимат, красивую строгую чеченскую девушку, всегда опускавшую глаза перед мальчиками.

Для молодежи Чечни существуют очень строгие правила поведения, и никто не решился бы, например, запросто взять девушку за руку. Предписания для замужней женщины не менее суровы, но и мужчина, муж, несет неукоснительные обязательства перед семьей и всем родом.

Первейшие из них – безопасность и благополучие семейства.

В их доме все было по-прежнему. Ковры, легкая мебель, чистота. Навстречу ему поднялась грузная женщина, мать Руслана, обняла его и заплакала, двое черноглазых карапузов смотрели на него испуганными глазами и вдруг громко заревели. Патимат увела их и больше не появлялась. Дима отдал подарки: сладости, игрушки, шелковый отрез и большую банку оливкового масла. Мать подала жареную баранину, зелень, сыр.

Разговор стал беседой друзей детства, понимающих, что есть темы, которых лучше не касаться. Поговорили об одноклассниках, о Москве, о здоровье родителей. Дважды звонил мобильный телефон. Руслан отвечал кратко, говорил, что занят и скоро перезвонит сам.

Наконец, пришла пора уходить.

Руслан поднялся вместе с ним. Полагая, что это дань вежливости, Дима было запротестовал, говоря, что помнит каждый камень, но Руслан прервал его.

– Я провожу тебя лишь мимо одного места, – и вышел вместе с ним, – не все знают, что ты мой друг.

Они пошли переулками. Была середина лета, в садах зрел урожай, на грядках поспедали томаты, ярко зеленела киндза.

– Каких дров наломали, Руслан? Ты ненавидеть меня должен...

Тот молчал. Они почти достигли широкой улицы, когда Руслан неожиданно и сильно толкнул Диму с тротуара.

– Ложись!

Он опоздал. Пуля просвистела мимо Диминой груди, сбила, словно срезала, армейский значок.

– Эй, прекрати? Он со мной, не видишь? – закричал Руслан, не показывая Диме, в какую сторону предназначаются его слова.

– Круто, – Дима поднялся, поковырял пальцем рваную дырочку, оставшуюся на камуфляжной рубашке. – Вы всех гостей так встречаете?

– Незванным гостям и не так достается, – усмехнулся Руслан.

В начале улицы, откуда просматривалось расположение военной части, Руслан на прощанье хлопнул его по спине.

– А тебя, оказывается, Аллах любит, джигит! – подмигнул он, показывая в широкой улыбке ровные зубы, потом захватил пятерней свою бороду, легонько дернул. – Можно сказать, второй раз родился.

– Почему?

– Потому, что этот снайпер промахов не дает. Видно, за тебя какая-то женщина молится.

– Мать, наверное.

– Нет. Смерть от мужчины молодая отводит. Все, прощай, будь осторожен, один не ходи, в темноте тоже берегайся. Аллах Акбар!

– Давай.

«Молодая... – думал он. – Порядочки, однако».

Ему было крепко не по себе.

В части, доложив о возвращении, Дмитрий заступил на дежурство, сменив Гошку Алексева, веселого москвича с гитарой. Тот был сыном банковского служащего, но в душе своей был поэтом, скитальцем и сухопутным мореходом, знал назубок оснастку всех парусных судов, бредил коралловыми островами, белыми пляжами и пальмами, и обо всем этом пел под гитару.

В час прилива на лиловом побережье

В благоволенных роцах, где ликует какаду,

Бригантину с именем девичьи-нежным

Я на камне полосатом ждду.

Сейчас Гошка, быстро шагнув к нему, пригнулся и уставился глазами на дырку в зеленой пятнистой рубашке.

– Ничего себе! О, Родина, нежны твои объятия! Как цел остался, брат? За кого Богу молиться?

Он был серьезен, хотя и дурачился. Он был очень умен.

– Полный атас, – Дима помотал головой. – Ну, встретили, угостили по всем законам, а на обратном пути чуть не загремел. Знаешь, я почувствовал, как пуля чиркнула по груди. Блин. По родной земле, как заяц скакать будешь да оглядываться, – он выругался крепко и замысловато.

– Из таких гостей не принесешь костей, – сказал Гошка-поэт. – В рубашке родился, кто-то за тебя поклоны бьет. Поздравляю с боевым крещением. Все, бывай.

Дима молча посмотрел ему вслед.

В жаркие дни июля Оля отнесла документы в педагогическое училище.

Она хотела стать учительницей младших классов, как Клав-Диванна, и, может быть, даже в своей школе. Семья не препятствовала. Отчим ее, деловой человек, армянин, державший бензиновый бизнес, был слишком занят и ни во что не вмешивался, а мама, хотя и поддержала, но...

– Очень подходящее дело для женщины, – определила она, – правда, не денежное. Может, не стоит спешить, дочка? Здоровье не купишь. Экзамены да экзамены, мыслимое ли дело. Отдохни годик, наберись сил. Мы, слава богу, не бедные.

Анна Николаевна была заведующей буфетов Аэрофлота и знала, что говорила. С хорошим здоровьем можно спроворить любую работу, тут диплом в подспорье, что и говорить, но с юных лет впрягаться в деловую гонку вредно, тягловая сила приходит позже. А в семнадцать-то лет кто решает на всю жизнь? Сначала бы отдохнуть, съездить куда-нибудь развеяться, а потом и смотреть на свежую голову.

Но Оля не хотела терять времени.

Экзамены начинались двадцать пятого июля. Первый сочинение, потом математика, за ней почему-то история. Ворчливые слова матери словно приоткрыли ей дальнейшее многообразие жизни на годы и годы. Оля успокоилась и вернулась к учебникам, как к старым друзьям, с помощью которых она мягко вступит в новую жизнь.

Однако новые мысли мало-помалу завладели ее существом.

Недели через три после ночного свидания с Димой она ощутила легкую незнакомую дурноту. Стоило ей посмотреть на сметану, которую она всегда любила, особенно с вареньем, или просто подумать о жире, о пирожных с кремом, как ее передергивало от отвращения. Даже мысль о них вызывала тошноту. Такого с нею никогда не бывало. Потом начались головокружения от запаха мяса.

Оля ужаснулась.

Она поняла, что именно с ней произошло, но поспешила уверить себя, что это ошибка, которая бесследно рассеется дней через десять, не позже. Как она прожила это время, страшно вспомнить. Дальше стало еще хуже, подозрения укреплялись с каждым днем.

Сомнений не было. Страх, точно колючий еж, поселился в ее душе. Как быть? Куда идти? К какому доктору?

Зачем?

Она чувствовала себя на краю пропасти, и пропасть эта дышала в лицо смертельным холодом.

Мать же старалась кормить свою дочку на-славу.

Самые вкусные колбасы, котлеты, жареные окорочка, студни, пирожные выставляла она стол для нее и двух младших сыновей, смуглых сообразительных мальчишек. Братья ели за четверых, Оля не ела почти ничего, кроме фруктов, но Анна Николаевна была спокойна.

А дочка в это время прощалась с жизнью. Строчки учебников вихрились где-то на самых окраинах ее сознания, все мысли с ужасом разбивались об один и тот же вопрос, и даже не вопрос, а гибельное предчувствие неминуемой беды. Она уходила в лес и плакала, плакала, обняв древесный ствол.

Но и тогда в ее душе не родилось ни укора, ни упрека.

За сочинение Оля получила четверку. Готовясь к математике, старалась отвлечься, вникнуть в задачи и примеры, решала, справлялась, но будто шла по проволоке над обрывом.

Что делать, что делать?

Была суббота.

Отец увез сыновей на дачу, мать осталась дома, собираясь пройтись по магазинам, и громко разговаривала с дочерью через всю квартиру. Оля через силу одевалась на выход, на консультацию перед математикой. Сегодня ей было особенно нехорошо.

– Я пошла, мама, – проговорила она еле слышно и больше не видела ничего, упав у самой двери.

Очнулась на широкой постели в спальне родителей.

– Оля! Оля! – слышался далекий голос.

Она открыла глаза.

Мать стояла над ней и натирала ей виски одеколоном.

– Слава Богу! – проговорила она, – лежи, не подымайся. Я вызову «скорую».

– Не надо, – качнула головой Оля.

– И то правда, ты в себя пришла, – согласилась Анна Николаевна. – Тогда участкового терапевта. Говорила я, не надо этих экзаменов, будь они неладны.

Оля заплакала. Она отвернулась к стене, слезы стекали на парчовое одеяло.

– Не надо терапевта, мама. Я не больна. Я сейчас пойду.

Она села на постели, мигая мокрыми ресницами. Мать молча смотрела на дочь. Что-то ей мелькнуло... Оля, бледная, как полотно, поднялась на ноги, качнулась и вновь опустилась на постель, едва не подломив руку.

– Доча, что с тобой? – тихо проговорила мать.

Оля не отвечала. Она снова отвернулась к стене, слезы бежали ручьями. Поникнув, мать молча присела возле нее, стала гладить ее тонкую руку, пальцы.

– Давно?

– Полтора месяца, – прошептала дочь.

Мать сидела, раскачиваясь, как болванчик.

– Женится? – спросила безнадежно.

Оля помотала головой. Та вновь принялась раскачиваться вперед-назад. Озабоченное лицо ее застыло на одной мысли.

– Так, дочка, – наконец, сказала она с твердостью. – Я должна тебе кое-что рассказать. Давно бы пора, да я все медлила, балда, медлила. Все думала, рано, рано.

И просто, по-домашнему, Анна Николаевна рассказала дочери, что в их роду по женской линии существует закон: первая беременность должна закончиться родами, иначе детей не будет вообще.

– Мне об этом сказала твоя прабабушка. А тетя Нина, сестра моя, не поверила, хотя и была замужем, вот и осталась бездетной. Зато я...

– Значит, я родилась не в браке? – посмотрела на нее Оля. – И мой отец не погиб в экспедиции?

Женщина вздохнула.

– Мне тридцать пять, доча. Тебе скоро восемнадцать. Вот и считай, какой там брак. Зато ты живешь, на белый свет глядишь. Неужто плохо?

Они помолчали.

– А как же папа? – спросила Оля.

– С ним я познакомилась, когда тебе было уже два года. Ребенок, знай это твердо, лишь украшает молодую женщину, если она самостоятельна, весела, следит за собой и не падает духом. Ребенок – это такая радость, Оля, ни с чем не сравнится. Подожди, сама увидишь. Мужики не дураки, видят, где им хорошо. Как говорить, замуж выйти – не напасть, как бы замужем не пропасть. Вот и будешь выбирать спокойно. Все к лучшему, доченька. Рубен тебя поддержит.

– Где вы встретились?

– У входа в метро. Я выходила, он входил. Увидел меня и все забыл, куда, откуда, идет за мной, одну меня в целом свете видит. Эх-ма! Совсем недавно, будто вчера, а уже пятнадцать лет пролетело.

Оля лежала спокойно, дыхание было ровным, почти незаметным. Бледное лицо порозовело. Впервые за последний месяц кошмар больше не вился над нею. Мать умела снять тяжесть с души. Жизнь возвращалась.

Оля обняла маму, прижалась к ней. Их слезы смешались.

– Спасибо, мамочка, я так переживала, до края дошла.

– Знаю, доченька.

– Я уже туда смотрела...

– Тихо, тихо, брось эти мысли. Все позади. Теперь тебе и свою жизнь жить, и ребенка растить. Мы тебя любим, всегда с тобой, держись за свою семью. Все вместе малого подыдем.

– Тебе кажется, мальчик? – смущенно спросила дочь.

– Как мне, бабке, торкнуло, так и будет, внучок народится. Дай-то Бог. И никого не бойся, ходи смело, голову не опускай. Сейчас главное – здоровье. Твое и ребенка, он уже настрадался, пока ты раскачивалась. Отдыхай, ягоды собирай на даче. В сентябре в Крым поедem, в море купаться.

– Родненькая моя! – Оля снова заплакала, прижавшись к матери, потом с тревогой вскинула глаза. – А что папа скажет? Ты же знаешь, какой он, когда разойдется.

– Я с ним поговорю, не бери в голову. Рубен поймет, – она со вздохом обняла Олю и усмехнулась. – Как моя мать в тридцать шесть лет стала бабкой, так и я, как раз к тридцати шести подгадаю. Значит, ничего не поделаешь, от судьбы не уйдешь, суженого-ряженого на коне не объедешь. Ох-хо-хо. Слава Богу, поговорили. Лежи, сил набирайся. Я в магазин пойду. Чего тебе хочется, чего душа желает? Огурчика малосольного, селедочки?

– Да. И кефира.

– Кефир не стоит пить сейчас, там спирту много. Творожку куплю, ягод.

– И мороженого.

– И мороженого. Два возьму, мне тоже охота. Я ж у тебя молодая, меня еще «девушкой» называют.

– Ты самая красивая, мамочка, самая хорошая. Как бы я сейчас без тебя...

– А-а... Так-то и меня мои поддержали. Уж как я убивалась, как убивалась по дураку тому непутевому! А дома ни полсловечка худого не услышала, ни упрека, взгляда косоного, ничего. Родная кровь – великое дело.

Стоял ранний сентябрь.

Дни были яркие, совсем летние, и лишь кое-где в зелени деревьев, словно ранняя седина, проглядывали пожелтевшие ветви.

В Академии текстиля шли занятия по рисунку. В светлом двустороннем зале в круговую у центрального возвышения сидели перед мольбертами студенты, и, посматривая на стоящего вполоборота обнаженного пожилого мужчину, усердно водили мягкими карандашами по большим листам бумаги, вырисовывая голову, торс, руки, ноги. Натура была дрябловатая, изрезанная складками и морщинами, нелегкая для рисования, поскольку требовала тонкого владения светотенью.

Сквозь белые занавеси на окнах струился мягкий свет, долетал ветерок, доносился уличный шум, редкие автомобильные гудки.

Все углубленно работали.

Преподаватель, молодой полнеющий мужчина с бородкой, в мелких круглых очках, похожий на сельского интеллигента прежних времен, медленно ходил между рядов. Постояв за спиной рисующего, он наклонялся и тихонько направлял его руку. Немного дольше он задержался возле Марианны, чуть заметно кивнул головой и проследовал дальше.

В коридоре прозвенел звонок.

– Подпишите и сдайте работы мне, – сказал художник. – Марианна, останьтесь, пожалуйста.

– Я только вымою руки, Миша, сейчас, одну минуточку, – Марианна, напевая, побежала в коридор, держа перед собой испачканные карандашной пылью ладони.

Он оглянулся вслед, чуть щура глаза, словно собирался ее рисовать. Через минуту она вернулась и встала в струнку.

– Как лист перед травой.

Он засмеялся.

– Прекрасно. Мне нравится ваш рисунок, Марианна, у вас необычная собственная манера. Мне бы хотелось взглянуть на ваши домашние наработки, чтобы, по возможности, выбрать из них для студенческой выставки. Не возражаете?

– Я на седьмом небе, Миша.

– Тогда принесите то, что считаете удачным, в мою мастерскую. Знаете, где это? На улице Вавилова. Вот адрес. В понедельник, среду, пятницу, когда удобно. Долго не собирайтесь, время дорого.

– Вы очень добры.

– Посмотрим, посмотрим.

Он ухватил папку со студенческими работами и поспешил уйти.

«Ай да я!» – подпрыгнула Марианна.

Первые студенческие дни казались сказкой.

Стипендия, новые друзья, лекции о творчестве. И поклонники. В первую же неделю ее проводили до дому пять человек, один за другим, все со старших курсов. «Что же будет дальше? Арифметическая прогрессия?» – счастливо зажмурилась она. После экзаменационно-вступительной страды Марианна вновь обрела свое обычное счастливо-летающее состояние, шутила, звонко-призывно хохотала и кокетничала напропалую.

– Ах, хорошо! Ах, удивительно! – начинался и заканчивался каждый ее день.

Сейчас она заспешила на третий этаж в аудиторию ручного ткачества.

Ах, она – обычная первокурсница в короткой бархатной юбочке песочного цвета, желтой блузе и кожаной зеленой жилетке с золотистой строчкой вдоль скругленных бортов. Зеленую кожу для жилетки она сняла с одной старомодной сумки, которую продавали по дешевке на развале у станции метро «Щелковская», а на подкладку выкроила лоскут переливчатого шелка из старого маминого плаща. Скроила, прострочила, чуть не дрожа от нетерпения, золотым люрексом за одно воскресенье, и в понедельник явилась в обновке. «Полный отпад!» – сказали девчонки. И теперь время от времени она украдкой отводила пальчиками изнанку, любуясь игрой цветов, и это тоже было лучиком счастья.

Ах, чудно, славно!

И косы она сохранила. Со всевозможной тщательностью укладывала их в блестящие перевитые пряди по обеим сторонам головы, будто принцесса Лея из «Звездных войн».

Прежняя жизнь, школа, изостудия преобразовались в новую жизнь, полную творческого общения, захватывающих планов и трудов, ведь если сосредоточиться и взяться, можно сделать все!

Но тянулись письма от Димы.

Они приходили дважды в неделю, многословные, на шесть тетрадных листов, убористые, с подробностями о солдатской жизни, учениях, десантах, друзьях, их стихах про океаны и, конечно же, в каждой строчке о любви, любви, любви. С их страниц подымалась волна молодого мужского томления, такая волнующая для той, что ждет солдатских писем изо дня в день, и столь неуместная, когда читаешь вполглаза по диагонали.

«Зато почерк отменный, – вздыхала Марианна, – с завитушками, росчерками, с ошибками».

Скрепя сердце, она отвечала через три послания на четвертое, придумывала какие-то новости, общемосковские сплетни, приветы от одноклассников. Радость, ее спутница, невольно светилась между строк, питая пустые надежды военнослужащего Дмитрия Соколова.

В аудитории декоративного искусства все получили деревянную рамку – «станок» размером с альбом для рисования, моток толстых суровых ниток, круглую деревянную палочку – «пруток» и клубочки цветной шерстяной пряжи.

– Господа студенты! – улыбаясь с едва заметным превосходством, обратилась к ним аспирантка Академии красавица Инга Вишневская. – Мы приступаем к освоению ручного ткачества. Здесь на стенах висят гобелены и шпалеры, то-есть, тканые ковры-картины, созданные в прошлых веках и в наше время. До Нового года вам предстоит соткать свой гобелен по собственному рисунку и получить зачет. Лучшие работы удостоятся места на выставке и премии. Начинаем.

Ингу Вишневскую все заметили еще в первый день, на торжествах посвящения в студенты; главным впечатлением от нее оказалась ее внешность и наряд, созданный с участием ее высокого искусства. Ее представили как мастера во всех видах декоративного искусства, строгую до въедливости наставницу молодых талантов. Это почувствовалось сразу.

Не теряя времени, Инга приступила к занятиям.

– Записываем порядок *сно́вки осно́в*, Первое. Конец нити клубка перекинуть через верхний вал на рабочую сторону станка и привязать к левому концу прутка слева направо. Показываю.

Часа через два на всех станках подросли сантиметра на три-четыре толстые коврики из яркой шерстяной пряжи. Вместо рисунков на них пестрели многоцветные учебные полоски и пятна, выполненные разными техниками соединения утков и основы. У Марианны получилась сложная волнистая линия из голубой шерсти и косой треугольничек белого паруса.

Воображение разыгралось. Открылось новое поле для творчества.

На улицу Вавилова Марианна приехала на другой же день в среду после занятий.

Накрапывал осенний дождик, асфальт был темным и блестящим. Следуя трамвайным путям, откусывая от желтой груши в свободной руке, она свернула налево к странному сооружению. Во дворе пятиэтажного здания привычного школьного типа из двух корпусов, соединенных заглубленным спортивным залом, рос, уродливо и впритык, другой дом, узкий и несуразный как шкаф, высотой втрое большей, чем школа; прозрачные стены его были прорезаны каркасным бетоном, за окнами виднелись пестрые занавески, мольберты, банки с кистями и карандашами.

Марианна смотрела с недоумением. Архитектурное уродство и нахальство сооружения были вопиющими, неслыханными для Москвы. Тем не менее, уличный номер торчащего выскочки совпадал с номером дома на ее записке.

Она подошла ближе и все поняла. Ей стало смешно.

– Сумасшедшие! Чтобы не платить лишних денег, эти художники умудрились выстроить дом на пяточке фонтана на школьном дворе! Но куда смотрели архитекторы? Не успели, наверное, и глазом моргнуть.

Веселая, точно от хорошей шутки, она вошла в «шкаф», взлетела на лифте под самую крышу, на двенадцатый этаж, постучала в дверь номер 12-9. Никто не открыл. Зато из соседней двери выглянул черноволосый толстяк в цветисто-испачканной куртке и длинно улыбнулся.

– Вы натурщица? Заходите ко мне.

Марианна гневно сверкнула глазами.

– Я студентка.

– Извините, – проговорил тот, взглянув на широкую папку в ее руке, – Не заметил. Простите великодушно. Вы ищете Мишу? Он, вероятно, в старом здании у Нестора. Там вам покажут на входе.

Фыркнув, Марианна повернулась и побежала вниз по всем лестничным виткам.

«Нестор какой-то... А уменьшительное имя как? Интересно».

Она вышла и тут же, из двери в дверь, потянула на себя ручку запасного черного хода в «школу». Судя по царящему скупердяйству, поиском парадного входа можно было пренебречь, там наверняка разместилась парочка-другая личных мастерских.

Старушка, сидевшая за столом под нависавшим уклоном лестницы, строго оглядела ее.

– К Нестору?

– Точнее, к Михаилу Игоревичу, если он там.

– Там, там. Второй этаж, мастерская номер четыре.

Шагая через ступеньку, готовая к новым головоломкам, она поднялась выше.

Так и есть. Вместо широкого светлого коридора, рассчитанного на беготню двух сотен детей, по его направлению шел узкий темный проход, отгороженный от светлых окон с несколькими самодельными стенами и украденными дверями.

Каждое окно теперь служило искусству. Пахло масляными красками, скипидаром, свежими древесными опилками.

Шум голосов был слышен еще с лестницы. Источником его было помещение за дверью номер четыре. Эта высокая филенчатая дверь была коренной жительницей классной комнаты, на нее просилась табличка с номером класса.

Марианна постучала. Гул прервался.

– Кто бы это?

Открыл высокий молодой мужчина, стройный, с прядями волос по обеим сторонам лица. При виде красивой девушки он улыбнулся и подался назад, приглашая ее зайти.

– О, как приятно. Прошу вас.

Тонкие полудлинные волосы его, свисая на обе стороны, легко отозвались на это движение.

– Здравствуйте, – она переступила порог доверчиво и смело.

В мастерской шло застолье. Человек семь-восемь, одни мужчины, сидели вокруг широкого комода, заляпанного краской, уставленного бутылками и закусками, порезанными прямо на бумаге. С появлением Марианны все взоры обратились к ней.

– О, Марианна! – вскочил Миша. – Это ко мне, ребята, моя студентка. Пойдемте, пойдемте. Извините меня.

– Нет, почему же, – возразил тот, кто открыл ей дверь. – Входите, будьте нашей гостьей. – Он придвинул ей табурет, выкрашенный в серый цвет. – Мое имя Нестор, это мои друзья. Что будете пить? Есть водка и вермут. Нет, еще и джин-тоник остался.

Она села пряменько, как на картинке, чуть-чуть пригубила из стакана, откусила от яблока и стала с интересом постреливать глазами по сторонам.

Мастерская была просторная, настоящий школьный класс на два окна.

Стены остались белыми, пол зеленым. Посередине комнаты стоял добротный деревянный подрамник; один брус его был расщеплен и перевязан липкой прозрачно-синей лентой. На полу у стен накопились большие и маленькие рамы с холстами, прислоненные неинтересной тыльной стороной наружу. Над ними располагались в три длинных ряда простые деревянные полки, на которых среди пестрых книжных корешков поблескивала однообразным золотым тиснением многотомная энциклопедия. У другой стены ближе к горячим батареям стоял топчан, покрытый одеялом.

На подоконниках, как водится, теснились банки с красками, кистями, карандашами. Стопками лежали тетради и альбомы.

Словом, это была обычная мастерская художника, если бы не присутствие на полу высокой прутьяной клетки с крупной птицей.

Марианна посмотрела на хозяина.

– Кто это?

– Фазан. Подарок из Казахстана, – ответил Нестор.

Он наклонился к клетке и погладил пленницу.

– Что, птица, как дела? Скучно, брат?

– Как ее зовут?

– «Птица»

– Можно ее погладить?

– Рискните.

Марианна просунула руку в дверцу с намерением коснуться перьев и рубчатых кожистых лап, как вдруг птица взволновалась и сильно клюнула ее в палец.

– Ой! – она отдернула руку. – Мне показалось, что она ручная.

– Отнюдь, – Нестор качнул головой. – Тут ручных нет, тут все птицы вольные.

– В клетке-то? – улыбнулась она.

– Это внешне. Главное – состояние, не правда ли?

– Пожалуй.

Они посмотрели друг на друга. «О, какой», – шепнуло ей. Он зачесал волосы пальцами, но они тут же ссыпались обратно по сторонам лба. Это восхитило Марианну. О, какой...

Нестор накинул на клетку темную ткань

– Это ночь. Спи, Птица.

Они вернулись к столу. Там разлили по-новой и вновь стало шумно, как до ее прихода. Марианна повернулась к Мише.

– Здесь в папке пять листов графики и две акварели.

– Прекрасно. Извините, что вам пришлось...

– Мне здесь нравится, Миша.

– Очень рад.

Художники говорили об искусстве.

Это не было спором, все слишком давно знали друг друга, да и тема была привычно-глубинной, неисчерпаемой в вечном и сиюминутном сочетаниях, поэтому в ровные суждения то и дело вплескивались нервные возгласы людей, хлебнувших от несладкой судьбы и принявших горького из стаканов.

– Ведь что происходит? – вопрошал облезлый, обрюзглый, похожий на молдаванина, человек, тыча сигаретой в пепельницу. – Или живопись больше никому не нужна, или нас слишком много. Раньше ко мне очередь стояла, музеи домогались, а сейчас?

Отозвался Нестор.

– Общество сменилось, Валек. Само по себе искусство мало что говорит большинству, и так было всегда, если только художник не служил властям или утробным вкусам. Вспомни, что ты писал в те незабвенные времена? То-то.

Нестор усмехнулся и снова тряхнул головой, убирая падавшие пряди. Марианна не отводила от него глаз.

– Художник давно перестал быть пророком, несущим новую религию. Волна поклонения святому искусству, провозглашенная когда-то ранними немцами, давным-давно схлынула, и мы обязаны искать и искать новые грани истины, иначе грош цена всей нашей мазне.

Марианна боялась упустить словечко.

«Почему в Академии не слышно таких речей? Почему Нестор не преподает у нас?»

– Нестор прав, без государевой ласки, конечно, худо и нище, но здесь своя справедливость, – вступил Миша и рассудительно посмотрел поверх круглых очком. – Кем был художник двести-триста лет назад? Придворным живописцем или крепостным человеком низкого звания. Потом вознеслись, угождая «генеральной линии». А сейчас он снова ремесленник, мастер, бегаёт, ищет заказы. Святое искусство затаилось, вершится в каморках. Все вернулось. То же у артистов, даже у писателей. На что обижаться-то? Поэт, правда, по-прежнему высоко летает, если настоящий, но где он, настоящий Поэт? Все растворено во средневзвешенном бульоне человеческих способностей, выпасть из которого даже гению стоит бесконечных усилий.

Марианна переводила взгляд с одного на другого и соглашалась с каждым. Какие умные!

– Вам не скучно? – повернулся к ней седой пожилой человек, Иван Александрович. – Вы такая красивая, милая, у вас дивное выражение лица! Нестор, куда ты смотришь? У тебя за столом такая девушка, а ты все о сложном, да о трудном!

Тот улыбнулся.

– Она же к Мише пришла...

Миша открыл было рот, но ответить не успел. Худой, костистый мужчина с узеньким ремешком на патлатой голове тяжело грохнул по столу кулаком.

В глазах его стояли слезы.

– Надоели мы всем, безумцы с вдохновением! Чем виновато общество, что оно жаждет благополучия и уверенности хоть в чем-нибудь? Зачем ему орава бездельников? А раз так, то и пусть выживает талантливейший, мы уступим.

– Не уступим, а утопим, Николай, – тихо сказал Иван Александрович. – В той же водке. Мало примеров?

Перед Марианной словно открывались неизведанные глубины. Как же она прыгала-чирикала, ни о чем не догадывалась? А эти люди живут там...

Иван Александрович снова вздохнул.

– В самом деле, что мы можем дать человечеству? Груз собственных ошибок? Люди устали от вереницы вождей, несущих страдания, никто не способен осветить потемки, повести за собой.

– В этом и есть освобождение, – задумчиво произнес Нестор, – конец плоским очевидностям. В изменчивой разбегающейся Вселенной, пронизанной нитями осознания, ежемгновенно рождаются миры и миры. Вот куда смотреть искусству, улавливать сверхновые смыслы.

Все помолчали.

– А как хороша наша девушка, а, Нестор? – вновь залюбовался на Марианну старый художник. – Вечно юная красота женщины. Вот наше Божество.

Прищуривав серые глаза, Нестор посмотрел на Марианну, словно живым лучом скользнул по ее лицу.

– Красивее быть невозможно, – согласился он.

Прошло уже около часа. Марианна поднялась, поблагодарила за гостеприимство, оставила Мише папку с рисунками. Нестор проводил ее по коридору до самой лестницы.

– Не заблудитесь? – улыбнулся он, протягивая на прощанье теплую широкую ладонь. – Приходите в гости, не забывайте. Просто так.

Марианна рассмеялась.

– Просто так? Как приятно. До свидания.

Она шла к метро, легко помахивая маленькой сумочкой.

Что за люди! О чем они говорят между собой! О, здесь надо бывать... Нестор! Как он смотрел на нее! «Красивее быть невозможно...» Какое необычное у него лицо! А сколько ему лет? А ей восемнадцать. Он должен ее полюбить. «Красивее быть невозможно...» И живой луч из его глаз. Он уже полюбил ее! «Приходите в гости. Просто так»

Словно в счастливом тумане промелькнула половина пути.

Но вскоре лицо ее вытянулось, и тревога, словно больное солнце, зажглась и заняла в груди. Кто она перед ним? Как можно о нем мечтать? Он так высок в своих размышлениях, в каждой подробности своей жизни... «Тут все вольные птицы. Главное – это состояние...». Разве ей приходят в голову такие мысли? Кто она для него? Случайная девчонка, случайно попавшаяся на глаза.

И потянулись совсем другие дни.

Словно серая пелена опустилась на ее жизнь. Ах, как хотелось видеть Нестора, услышать его голос, его слова, западающие в сердце. «Приходите просто так». Нет, невозможно. Где радостная уверенность, где мечты о счастье? Душа словно отравилась жуткой мукой.

Никогда, никогда в жизни не было такого с Марианной.

А смены настроения!

То вдруг всходило безоглядное счастье и казалось, что все будет хорошо, не может не быть хорошо, что Нестор полон восхищения и непременно полюбит ее, не может не полюбить! Мир расцветал, они резвилась, светилась, как огонек, среди однокурсников, влюбляя в себя глупых мальчишек... Потом вновь приступало отчаяние и гасило все краски. С привычной добросовестностью она сидела в аудитории, в музеях, в библиотеке, пыталась сочинять картину для гобелена, а сердце ныло и ныло.

Нестор, Нестор... ах, как больно, больно, ах, что за пытка?!

Острые глаза новых подружек сразу все заметили и догадались о причине.

– Марианна, ты влюблена! – ведь ни о чем другом их восемнадцатилетние головки и не помышляли. – Как романтично! Побледнела. Значит, по-настоящему. Кто этот счастливец, скажи по секрету. Из наших, да?

Она не отвечала. Давно ли любовь представлялась ей ослепительным взаимным счастьем, наградой за доверие к жизни, упоительной целью будущего! И что же? Она ли это? Она ли это? Так можно с ума сойти.

Наконец, измученная борьбой, она решила пойти в мастерскую. «В гости, просто так», по его приглашению. Но испугалась. Что она скажет? Она и слова произнести не сможет, а он все поймёт и улыбнется. О, нет, нет...

– Масенька, с тобой все в порядке? – осторожно спрашивала мама, прекрасно видя, что происходит с дочерью.

Как помочь? По тропам любви надо пройти, проползти, проташиться самой, на них слишком многое решается.

Прошло еще недели две, полные адской муки. В унылом раздумье Марианна вдруг осознала, что для нее нет другого пути, что не увидит Нестора хоть один раз выше ее сил. Она пойдет в «школу», а там... ах, будь что будет.

– Ничего, ничего, – обманывала она себя в метро, переходя на красную ветку к «Университету». – У них же всегда народ, на одного больше, меньше. Он же сам приглашал. Посижу «просто так» и уйду. Просто так. Ничего, ничего.

С улицы она увидела по окнам, что в мастерской кто-то есть. На цыпочках, унимая бьющееся сердце, поднялась по лестнице, замирая, скользнула по коридору. Да, голоса раздавались из-за той же двери номер четыре. И звуки гитары, дивной красоты серебристые переборы струн, таинственно приглушенные. Она остановилась у двери, со страхом перевела дух.

Наконец, подняла руку и, словно проваливаясь в бездну, отважилась постучать.

Открыл Иван Александрович.

– Ах, наконец-то, наконец-то! Как долго вас не было! – воскликнул старик, прижимая ее к груди и целуя в щеку. – Я говорил Нестору, позови эту девушку, позови, она хорошая, пусть приходит. Послушался старика. Ах, какая вы замечательная, милая, интеллигентная...

Нестор стоял у окна. Повернулся.

– Здравствуйте.

Она почувствовала удар в сердце от его нестерпимо-обожаемого лица, боль от его удивленного музыкального «здравствуйте». И еще почувствовала, что пропала окончательно. О чем-то пошутила, села возле Ивана Александровича.

На этот раз в мастерской было всего три человека. Третьим был тот худой с ремешком поверх волос, Николай. Сейчас в его руках была гитара, старинная *подруга семиструнная*, с русским ладом, это ее звук чарующе отдавался в коридоре. А Птица молчала, помаргивая в своей клетке величиной с беседку.

Опеку над Марианной взял Иван Александрович. Его чуткая душа ощутила полуобморочное состояние девушки.

– Ну, почему, почему вас так долго не было? – ворчливо восклицал он. – Вы забыли про нас в своей прекрасной молодой жизни? Признавайтесь. А мы о вас говорили, а я, старый мухомор, даже скучал по вас, не скрою.

Значит, говорили. Уже легче.

Нестор казался настороже, она то и дело ловила его неровный скользящий взгляд. Он тоже не был спокоен. Еще, еще полегче.

Сейчас главное сыграть роль уверенной в себе «просто знакомой», которая случайно оказалась поблизости и просто заглянула на огонек к добрым друзьям. Дальше все пойдет само, она это чувствовала, главное, как сейчас.

Мужчины говорили о каком-то художнике, который выехал за рубеж с семьей, а через три года вернулся из-за тоски по родине, один, без родных, которым его ностальгия казалась пустой причудой. Марианна посматривала на них, чувствуя, как овладевает собой, становится привлекательнее и сильнее в своем легком нежном молчании.

Вдруг в мастерскую без стука ввалился плотник с деревянным подрамником в руках. Сломанного бруса как небывало, на его месте лоснился свежим лаком целый и невредимый кусок дерева.

– Готова работа, – объявил плотник, громыхнув подрамником. Было видно, что он крепко выпивши. – Принимай, Степаныч.

Нестор осмотрел брус, подергал, проверяя на крепость, и переставил на прежнее место.

– Все исправно. Благодарствуй, Михеич. Выпей с нами.

Плотник не отказался, произнес всем здравицу, осушил стаканчик и бросил в рот соленую кильку.

– Другой заказ давай, Степаныч. Друзьям накажи, мол, Михеич все сделает в лучшем виде

– Да, отменная работа. Не сегодня, – ответил Нестор, протягивая ему деньги.

– Почему? Еще светло, времени хватит.

Пользуясь минутой, Иван Александрович под шумок наклонился к уху Марианны.

– Дожимайте его, дожимайте, милая. У вас получается. Он поддается, не теряйте кураж, вы можете его получить навсегда. Вы очень точно вошли, властительница, молодая, держитесь этого тона. Я вам помогу. Разве так можно жить, как он? С птицей? Сколько женщин пытались его взять, ни одна не сумела. А вы сможете, берите его голыми руками, он уже ваш, верьте мне, я его знаю...

Пьяный мастер продолжал наседать.

– Ты думаешь, я пил? – шумел он. – Не пил, можешь проверить.

– Ступай, друг, домой, – Нестор сердился, улыбаясь.

Тот не унимался.

– Что я не пьян, я докажу! Я вечером приду.

Плотник направился к двери.

– Не надо приходить вечером, – возразил Нестор.

Тот развел тот руками.

– Я же не денег просить, – и вышел.

Нестор рассмеялся. Сердце Марианны вздрогнула. Как изящен этот человек! Ах, если бы старик в самом деле помог ей!

Все это время желчный худой Николай пристально наблюдал за нею, зарисовывая что-то в блокнот. Она чувствовала его внимание и не отвергала его, оно играло ей на руку, повышая в глазах Нестора. И вдруг Николай опустился перед ней на одно колено.

– Я смотрю, девчонка, ты здесь самая главная. Ты светишься, к тебе влечет. Я буду петь для тебя.

И задумчиво начал: «Вдоль по улице метелица метет...», под чистый перебор серебряных струн «ты постой, постой, красавица моя, дай взглянуть, радость, на тебя!»

Они словно сговорились поддерживать Марианну.

Нестор тем временем мерил шагами мастерскую. Вновь провел рукой по волосам, остановился и стал смотреть в окно, легкий, вольный, с неувимым очарованием во всем облике. По счастью, окна его не упирались в стеклянный дом, а находились левее, с видом на удаленные строения и шатры продуктового рынка. Марианна почувствовала, что ее уход сейчас, на волне обожания был бы победной точкой, после которой, возможно, сам Нестор позвонил бы ей домой.

«Пора», сказала она себе, подымаясь.

И вдруг Иван Александрович брякнул ни с того, ни с сего, точно уронил булыжник на хрустальный поднос.

– Ну вот, теперь, наконец-то, и Нестор женится.

Наступило молчание. Она похолодела. Сердце ее колотилось.

– А у тебя, девчонка, страх в глазах. Отчего бы? – заметил Николай.

Еще удар!

– Вам показалось, – принужденно улыбнулась она. Но было ясно, что все кончено. Иван Александрович кряхтел и чесал в затылке.

– Я никогда не женюсь, не интригуй, Иван, – повернулся Нестор и с облегчением засмеялся, потирая руки. – Я женщин уважаю, но жить с ними не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.